ИЗДАНИЕ 1980

Портрет писателя

Сказитель земли

общезитиях, об искусстве неизменно современны и своевременны.

Он — прекрасный очеркист. Достаточно вспомнить его очерки «Вобришный угор», «Моздокский базар», «За дальним меридианом».

Он — удивительный рассказчик. Лаконичный, жизненный случай у Белова всегда та самая капля воды, в которой отражается судьба человека, даже поколения.

Если бы мы взяли анализировать талант Белова со стороны способности владеть не только жанрами, но и приемами, то и тут нельзя не подивиться его многогранности. Причем нельзя сказать, чего больше в таланте — сатирического, эпического или лирического. Во всех своих вещах он является одновременно самым разным: будь то крохотный рассказ доярки о поездке в Москву или «заявление» механизатора о конфликте с женой, будь то огромное исследование об эстетике крестьянской жизни. И в каждом своем произведении, требующем отдельного обстоятельного разговора, главное — человек на земле, дело рук человека и красота окружающей его жизни, понимание ее, бережное к ней отношение.

Выдвижение произведений Василия Белова на соискание Государственной премии СССР является утверждением плодотворности творчества писателя и прямым указанием молодым писателям пути благотворных поисков по примеру выдающегося прозаика современности Василия Белова.

Владимир КРУПИН.

Появление Василия Белова в советской литературе было настолько естественным, что сейчас невозможно говорить о литературе вообще, не имея в виду того, что написаны, изданы и прочитаны книги Белова: «Холмы», «Гудят провода», «Целуются зори», «Привычное дело», «Плотничьи рассказы». И та, памятная, одна из первых, «Сельские повести», и эта, последняя, выдвинутая на соискание Государственной премии СССР, «Воспитание по доктору Споку», — все они позволяют говорить о таланте Белова как о таланте всеобъемлющем, как о таланте, подводящем итоги значительного этапа нашей прозы, как о таланте, прорывающемся в еще неведомые, но безграничные возможности русского языка.

Затихли споры о «деревенщиках» в нашей прозе. И, кажется, осерчав на повешенный ему ярлык, первым восстал против такого ограничения писательской темы Василий Белов. Да ведь и деревень-то в привычном представлении не осталось. И что есть последние работы Белова, как не напоминание читающей публике и критикам об элементарной истине, что городские жители по корням суть деревенские, что сила Матери-земли дается всем, но только благодарные сыновья, где бы они ни жили, могут наполнить ее.

Женщина в кафе куском белой булочки вытирает жирные белые пальцы, что это? Откуда это? За что посетило ее такое, забвение такого страшного и недавнего прошлого? И автор (тут очень кстати сказать, что Белов никогда не прячется за понятие лирического героя: там, где он пишет от первого лица, там он выступает от своего имени) возвращает нас к этому недавнему прошлому, возвращает насильно, не стесняясь, приятно это будет кому-то вспомнить или неприятно, он — очевидец эпохи, он видел, как умирают на холодных печках иссохшие от голода старухи, все отдавшие людям.

«Я помню, как судьба вынудила мою мать уехать из деревни в город и как сразу страшен, тягостен стал для меня образ навсегда остывшей родимой печи. Тиль Уленшпигель на всю Фландрию вопил о пепле Класа. И гезы собирались на этот призыв со всей Фландрии. Мне же вопить не позволяет совесть, хотя и в мое сердце стучит пепел: на наших глазах, быстро, один за другим потухают очаги нашей деревенской родины — истоки всего.

И хотя мы покидаем родные места, все-таки мы снова и снова возвращаемся к ним, как бы мы ни грешили знакомством с другими краями. Потому что жить без этой малой родины невозможно. Ведь человек счаст-

лив, пока у него есть родина...».

Для самого Белова эта родина — Вологодчина, ее срединный Харовский район. Он сам выбрал себе такую судьбу, что всю силу своей природной одаренности он положил к алтарю Отчизны, к ее бедам и радостям, к ее надеждам и свершениям.

Кроме городских повестей, в книгу «Воспитание по доктору Споку» включена как бы и не деревенская, и не городская, а, если так можно выразиться, промежуточная проза — «Плотничьи рассказы». Костя — человек городской, хотя и деревенский выходец, а плотники Олеша и Авиер — коренные. Одна из впечатляющих сцен повести — заключительная. Казалось бы непримиримые враги сидят рядышком. Но: «Боже мой, что это? Я не верил своим глазам. За столом сидели и мирно, как старые ветераны, беседовали Авиер и Олеша... Потом они оба, клопя сивые головы, тихо, стройно запели старинную протяжную песню.

Я не мог им подтянуть — не знал ни слова из этой песни...».

Этот мотив прощения и безвозмездия — один из главных в повести. Но автор не был бы Беловым, если бы не пытался понять: как же так, откуда происходят Козонковы? Как же так, за что страдают безвинно Смолины? Ответ сложнее, неоднозначный.

Образ Козонкова сродни образу свата Андрея из «Вологодских бухтин», а образ Смолина терпением своим и жизнестойкостью напоминает Ивана Африкановича Дрынова из «Привычного дела», а своим затаенным, лукавым юмором Кузьму Ивановича Барахвостова, рассказчика «завиральных» бухтин. Образ же бригадира Кости переходит из плотничьих рассказов в рассказы городские. Взаимосцепленность образов, их зависимость друг от друга очень велики в прозе Белова. Многие и многие статьи написаны о книгах прозаика, и главным в его творчестве всегда отмечаются потрясающая до слез любовь к своей «тихой родине» и труд во славу ее. Труд — вот что создает человека. И мысль об этом проходит сквозь все творчество писателя.

Он — романист. В произведениях о переломном моменте в жизни крестьянства — коллективизации — роман Белова «Кануны» один из самых заметных.

Он — драматург. С громадным успехом идут на подмостках театров его пьесы «Над светлой водой», «Районные будни». В драме «Кашей бессмертной» Белов обратился к стихотворному размеру, используя ритм народного сказа.

Он — страстный публицист. Его статьи о проблемах деревень, о дорогах, о пьянстве, об